

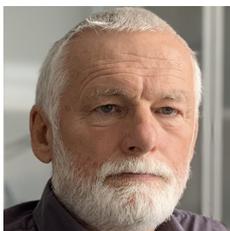
DOI: 10.19181/smtp.2025.7.2.12

EDN: VZUZBY

Научная статья

Research article

НЕ-ЭВОЛЮЦИОННЫЙ ВЗГЛЯД НА ПОВЕДЕНИЕ УЧЁНОГО

**Плюснин
Юрий Михайлович¹**

¹ Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия

Для цитирования: Плюснин Ю. М. Не-эволюционный взгляд на поведение учёного // Управление наукой: теория и практика. 2025. Т. 7, № 2. С. 199–209. DOI 10.19181/smtp.2025.7.2.12. EDN VZUZBY.

Аннотация. Проблема профессиональных мотиваций деятельности учёного, стиля его поведения в науке и предшествующего им выбора жизненного пути обсуждается с позиций концепции инвариантности психобиологических основ поведения. Автор обосновывает утверждение, что природа учёного (его тип личности, стиль поведения и мотивационная структура) неизменна, наследственно детерминирована. Приводятся данные эмпирических исследований стратегий и стилей поведения академических учёных нескольких профессиональных поколений. Предложена типология личности учёного, выстроенная по основаниям (а) мотивации к научной деятельности – «цеховики», «презентаторы» и «лишние люди», (б) психофизиологических черт, свойственных идеальному учёному – «полимату» и «специалисту». Сделана попытка эмпирического обоснования феномена произвольного выбора «пути в науку», обусловленная выраженностью определённых черт темперамента и характера.

Ключевые слова: учёный, типы учёных, социальный портрет, мотивация, полиматы, гелертеры, «лишние люди», «цеховики», «презентаторы»

A NON-EVOLUTIONARY VIEW ON SCIENTIST'S BEHAVIOR

Juri M. Plusnin¹

¹ HSE University, Moscow, Russia

For citation: Plusnin Ju. M. A non-evolutionary view on scientist's behavior. *Science Management: Theory and Practice*. 2025;7(2):199–209. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2025.7.2.12.

Abstract. The problem of professional motivations of scientists' activity, their style of behavior in science and the preceding choice of a life path is discussed from the perspective of the concept of invariance of psychobiological bases of behavior. The author substantiates the assertion that the nature of the scientist (their personality type, behavior style and motivational structure) is immutable and hereditarily determined. The article presents data based on empirical studies of behavior strategies and styles of academic researchers of several professional generations. A typology of the scientist's personality is proposed. It is built on the grounds of (a) a motivation for scientific activity – “guild workers”, “presenters” or “superfluous people”, (b) psychophysiological traits inherent in the ideal scientist – “polymath” or “specialist”. An attempt is made to empirically substantiate the phenomenon of the involuntary choice of “path to science”, conditioned by the manifestation of certain traits of temperament and character.

Keywords: scientist, types of scientists, social portrait, motivation, polymaths, gelehrters, “superfluous people”, “guild workers”, “presenters”

Большинство учёных, как и большинство простых людей, уверены в неизбежном и всеобщем социальном прогрессе, в частности, в непрерывной мелиорации человеческой природы. Хотя многие не задумываются, откуда взялась эта вера, полагая, что это давно уже доказанная научная истина. Между тем этой идее не более двух с половиной веков. Авторы её – французские энциклопедисты, прежде всего Шарль Луи Монтескьё [1, с. 11–17, 198–201, 207–208, 240–248, 259–272, 355]. Гипотеза энциклопедистов о социально-историческом прогрессе быстро захватила умы естествоиспытателей XIX в. и, совершив двойной спиральный кульбит, уже к середине XX в. вернулась в гуманитарное сознание в виде идеи социальной эволюции как частного следствия эволюции всей живой природы и в целом физического мира (напр., гипотезы «Большого взрыва», «расширяющейся Вселенной»...). Но, к сожалению, приходится признать, что оснований для веры в социальный прогресс не больше, чем в теорию божественного творения. Поэтому можно бы смело утверждать, перефразируя классика, что «...природа учёного неизменна». Кого бы мы ни взяли за образец учёного, что из нового века, что из тысячелетней дали, что из классического Китая, что из самонадеянной Европы, мы повсюду обнаружим одинаковое по содержанию поведение учёного. Оно неизменно, с какой бы точки зрения его не рассматривать: с биологической, психологической или социологической. Утверждение сильное и требует обоснования. Для этого требуется определить, кого понимать под учёным человеком, а затем – что есть поведение учёного с трёх вышеуказанных точек зрения. Я намерен предложить три аргументации

тезиса неизменности природы и поведения учёного: (1) структуры профессиональной мотивации, (2) психобиологической структуры черт личности и (3) предопределённости выбора жизненного пути. Очевидно, что исчерпывающая аргументация каждого из утверждений требует текста большого объёма, а в данном кратком комментарии возможны лишь намётки (именно поэтому в тексте так много закавыченных терминов).

Ответ на самый первый вопрос кажется простым: учёный – это человек, который производит новое знание (напр.: [2, с. 65–78]). Не всякое знание, а только научное. Следовательно, требуется отличить научное знание как особый вид от других видов знания. Которых, очевидно, немало, и если свести по-крупному, то мы должны говорить о таких видах знания, как философское, религиозное, культурное и, конечно, обыденное. Все они типологически различны. Именно: научное знание как «позитивная экспериментальная философия» [3, с. 236–239], как знание, вырастающее из опыта и возвращающееся в практическую деятельность (знание о реальном мире), противостоит знанию культурному, как этической и эстетической практике создания новой реальности – создания Нового мира, искусственного и ныне даже виртуального. Точно так же обыденное знание как опытное, направленное на цели непосредственного жизнеобеспечения (практики повседневности), противостоит знанию религиозному, эзотерическому и мистическому, – знанию, а точнее мнению, о Мире Непознаваемом (при этом мне представляется, что обыденное знание не противостоит научному, но примыкает к нему; но ср.: [4, с. 45–54]). Философское знание выступает здесь в качестве *medius terminus*, знания о месте человека в мире, о его душе и его природе. Таким образом, учёный, в отличие от обывателя, теолога, художника и философа, – это тот, кто открывает реальный мир, обнаруживая (производя) новое знание о нём в форме «научного факта». Не обсуждая этот последний – сложный – концепт, обращусь к поведению учёного, поскольку именно здесь видно его отличие от остальных четырёх типов деятелей, т. к. самый характер деятельности обуславливает требования к личности, к структуре его целей (мотивов) и к выбору жизненного пути.

Поведение учёного направлено на поиск и обнаружение новых (предпочтительно) фактов о реальном мире, как о мире природы, так и о мире человека (в дильтеевском смысле). Иначе говоря, описание поведения предполагает выявление не только движущих сил – мотиваций, а на основе их – и мотивов профессиональной деятельности, но и описание самого деятеля как носителя некоторой совокупности черт личности, соответствующей его деятельности. Такую совокупность черт обычно называют социально-психологическим портретом. Замечу, что в данном случае я различаю личность и её мотивации в том смысле, что говорю о мотивационной структуре личности в узком смысле – о профессиональных мотивациях. Говоря о личности, имею в виду только и исключительно совокупность отдельных черт темперамента и характера, способствующих или препятствующих результативной профессиональной деятельности. Предположу, что этих двух составляющих – черт личности и мотиваций – может быть достаточно для описания специфического поведения учёного.

На этом пути я имею возможность сослаться на уже существующие исследования и обобщения. Таковы наблюдения психофизиологии и личностных черт учёного-естествоиспытателя или гуманитария, позволяющие составить «социальный портрет» учёного [5, с. 13–49]. Надо, однако, признать, что описываемые характеристики личности учёного обычно относятся не к массе академических и университетских исследователей, а являются как бы выборочными, относятся лишь к когорте выдающихся их коллег (напр.: [6]). Яркий пример здесь показывает недавнее исследование Питера Бёрка (Peter Burke) [7], которое и составит второе из двух оснований анализа поведения учёного. Первым основанием являются мои собственные исследования мотиваций к научной деятельности и социального портрета типичного, вовсе не выдающегося учёного. Я также попытался описать особенности черт личности учёных, которым присущи разнонаправленные профессиональные мотивации.

В своё время я предложил бинарную типологию мотиваций учёного, выделив два полярных типа исследователей: «цеховиков» и «презентаторов», исходя из целей их профессионального поведения [8]. Конечно, это крайние, утрированные типы. Для «цехового» учёного характерны отношение к науке как к важнейшему общественному институту, призванному со временем решить все основные проблемы человечества, крайний сциентизм и технизм, позитивизм, вера в научно-технический прогресс, который указывает вектор и социального прогресса. Рост научного знания для него есть отражение прогресса общества, а производство научного знания и на его основе установление законов природы – цель науки. Научное сообщество – полузакрытая (защищённая сложной системой фильтров) профессиональная организация – «Цех» или «Гильдия» – доступ в которую требует длительной специальной подготовки, личного участия наставника, преданности выбранной профессии в течение всей жизни. Ещё в университете (а нередко даже раньше) он должен выбрать себе научную специальность и оставаться верным ей навсегда. Лучше, если и его дети, и внуки пойдут по его стопам, создав, таким образом, научную династию. Сохраняя верность своему «Цеху», учёный имеет больше шансов сделать успешную научную карьеру, приобрести звания, известность, влияние, возможно, власть (см. также: [9; 5, с. 107–108]).

Для «презентационного» типа поведения характерны релятивизм и социальный оптимизм. Учёный сомневается во всемогущести науки и её способности неуклонно вести человечество в светлое будущее. Он обнаруживает, что чрезмерная приверженность одной идее и одной теме превращает человека в фанатика дела, лишённого способности к приспособлению. Диверсификация источников ресурсов в многополярном экономическом пространстве предоставляет ему тем больше шансов на успех, чем лучше он организует и предъявит тот фокус, который называется «новое научное знание». Чем зрелищнее, эмоциональнее, убедительнее вы представите результаты своей работы, тем больше шансов получить дополнительные ресурсы, не только в денежной форме, но и в форме влияния и приближенности к власти. Эти дополнительные ресурсы по принципу положительной обратной связи приносят ещё больше влияния и денег, так что к концу своей презентационной карьеры вы можете совсем забыть про такую вещь, как «производство научного знания» (см.: [9; 10; 11]).

В самом грубом приближении можно говорить о том, что выделения такой оппозиции как «цеховики»/«презентаторы» достаточно для поверхностного анализа мотивов профессионального поведения учёного. «Цеховики» верны науке, цель и смысл их деятельности состоят в научном познании. «Презентаторы» имеют другие цели, занятие наукой для них – средство.

Однако здесь стоило бы выделить и ещё один тип профессиональных мотиваций, самый массовый. Это зафиксировано в те же годы в виде феномена «лишних людей» в академической науке [12; 13]. В отличие от «цеховиков», преданных науке, и «презентаторов» – людей очень активных, успешных, в том числе и в науке, но использующих академические позиции как средство для достижения иных – карьерных, политических, социальных – целей, «лишние люди» профессионально трудятся в научной сфере, но осознают, что они не «настоящие учёные», они из тех, у кого *«такие занятия, как постоянные чаепития... болтовня дома и лужание арбузных семечек, отнимают... всё время»* [14, с. 38; курсив мой. – Ю. П.]. Вот этот тип я бы поставил в качестве промежуточного – но не среднего – между «цеховиками» и «презентаторами». Численность этой группы велика – до 2/3 даже в среде академических исследователей, тогда как «цеховиков» – не более 1/10, а «презентаторов» и того меньше (см.: [8]).

Насколько стабильны эти типы мотиваций? Наши исследования академических и университетских учёных в Сибирском отделении Академии наук, проводившиеся с середины 1980-х гг. и по настоящее время – в течение 40 лет, – показывают, вполне в соответствии с платоновской концепцией «неизменности природы человека», что исследовательские стратегии – а, следовательно, и мотивационная структура – остаются неизменными, несмотря на все те трансформации, что за эти годы претерпели и общество, и сама наука. И, что кажется не совсем понятным, даже смена поколений – а за эти сорок лет в академгородках Сибири сменились два поколения сотрудников институтов – не обусловила изменение структуры профессиональных мотиваций (см.: [15], а также [16, с. 99–112]). Почему же, несмотря на трансформации социально-политических и экономических условий, изменение способа мотивирования деятельности (например, гранты), несмотря на изменения оценки и оплаты труда работников науки, стратегии их профессионального поведения не поменялись? Причины едва ли можно определить простым опросом. Остаётся лишь зафиксировать факт отсутствия долговременных изменений. Поэтому я сохраняю эмпирически выведенное убеждение, что структура исследовательских мотиваций учёного остаётся неизменной не только в течение активной жизни его, но и в самые разные исторические периоды (ср., напр.: [14, с. 65–66, 85, 91–96; 17, с. 278–295]).

С другой – второй – стороны, можно рассмотреть и типологию самой личности учёного, аналогичную вышеуказанной, также сопоставив два полюса: на одном – структура личности выдающегося учёного, гения, «многознающего», «полимата» («полимат – это человек, интересующийся и занимающийся многими предметами» [цит. по: 7, с. 6]), а на другом – личность учёного, узкого специалиста (а в предельной своей форме личность «гелертера», по терминологии А. А. Любищева [18], рутинного «малознающего»). Основой для такого

деления возьму социальный портрет выдающегося учёного-полимата, кратко выписанный П. Бёрком в главе 6 его книги [7, с. 217–241].

Анализируя личности 500 полиматов XV–XXI вв., почти исключительно из стран Западной Европы, П. Бёрк выписывает их групповой портрет, выделяя 12 характерных особенностей личности таких людей, что отличает их не только от «гелертеров» и от обывателей, но и от «специалистов» – талантливых и гениальных учёных, но интересующихся лишь своей узкой областью знаний. Список этих особенностей примечателен с точки зрения биолога и психолога. Первым в ряду этих качеств он называет любознательность, «ненасытную пытливость», которая представляется ему «самой очевидной особенностью изучаемого типа» ([7, с. 218]). Следующие по списку: (2) сильнейшая способность к концентрации внимания, (3) уникальная память, (4) скорость усвоения информации, (5) живое воображение, (6) энергичность, (7) беспокойство, непоседливость, (8) высокая работоспособность, (9) чувство времени и озабоченность его нехватки, (10) стремление к соперничеству и успеху, конкурентность, (11) отношение к работе как к игре, и наконец (12) стремление к целостности, к синкретичности [Там же, с. 220–236].

На что обращу особое внимание: половина, если не более, из 12 отмечаемых П. Бёрком черт личности в групповом портрете полимата – это черты не характера, а темперамента, т. е. наследственно детерминированные признаки, определяющие в дальнейшем развитие характера и во многом детерминирующие и способность к усвоению социально-психологических черт личности (см., напр.: [19, р. 271–272]). Таковы скорость (темп поведения), воображение (пластичность поведения), энергичность и работоспособность (эргичность), беспокойство и чувство нехватки времени (эмоциональность). В скобках я привожу наименования классических черт в соответствии с концепцией структуры темперамента В. М. Русалова [20].

Между тем, и основное, указанное первым качество – любознательность, а также воображение и склонность к игре – это черты поведения, определяемые наследственным признаком, лежащим в основе важнейших черт характера, который проявляется уже в первые минуты жизни каждого человека: неофилия/неофобия, интерес к новизне, который в детском и взрослом возрасте представит в виде любознательности и игровом поведении, или отсутствии таковых (см.: [19; 21, р. 519–543]). Можно сказать, что из всего списка важнейших качеств группового портрета полимата только стремление к конкуренции и стремление к целостности, к синкретичности нельзя отнести полностью на счёт наследственности поведенческих черт. Но и в этих двух последних имеется сильнейший компонент темперамента. Раз так, приходится признавать инвариантность, внеисторичность указываемых признаков, характеризующих идеальный тип учёного. Так или иначе, не высказывая явно, и сам автор подтверждает этот тезис тем, что фиксирует черты, общие полиматам на протяжении полутысячелетия (см.: [7, с. 308–337]).

Как оригинально заметил сам П. Бёрк, «каждый портрет нуждается в “раме”...» [7, с. 19], что можно распространить и на предлагаемую ниже типологию поведения учёного по двум основаниям: (1) по типу исследовательской мотивации и (2) по отдельным личностным качествам. Таковую «раму» («фрейм»,

говоря на социологическом сленге) можно построить, сочетая три типа мотивации с двумя полярными типами учёных личностей. Конечно, «рама» получается очень грубой, но зато она «обрамляет» неопределённый континуум всевозможных вариаций портретов и мотиваций. Остановлюсь на описании предлагаемой схемы (ниже она представлена в таблице).

Сочетание двух полюсов поведенческого стиля с типами исследовательских мотиваций даёт шесть типов радикально различных (но не оппозиционных, что важно) социальных портретов учёных, имеющих разные личностные (правильнее сказать, психофизиологические) особенности, с существенно разной и мотивационной структурой. Думаю, что здесь нет резона давать дифференциальное описание каждого из этих типов. Важно зафиксировать вековую неизменность той совокупности психофизиологических черт, которыми определяется структура личности «идеального» учёного. Возможно, что на существенно менее длительных временных интервалах, но всё же охватывающих несколько поколений учёных, стабильна и структура мотиваций профессиональной деятельности (это мельком отметил когда-то Дж. Холтон [6, с. 7–14]). Найдём ли мы в реальной академической жизни соответствия приводимым ниже типам учёных? Впрочем, каждый может найти соответствие в кругу своих коллег. Каковы доли тех и других в каждом институте? Такие разыскания могут быть темой специального исследования.

Таблица

Шесть возможных крайних типов учёных по профессиональной мотивации и стилю поведения, обусловленных особой констелляцией психофизиологических черт личности

Table

Six possible extreme types of scientists based on their professional motivation and behavior style determined by a special constellation of psychophysiological personality traits

Мотивация \ Поведение	«Цеховики»	«Лишние люди»	«Презентаторы»
«Полиматы»	«Многознающие генералисты»	«Шарлатаны»?	«Гении, признанные обществом»
«Специалисты»	«Спецы», или «Шурфовики»	«Гелертеры»	«Добытки грантов»

В приведённой таблице наименования типов совершенно произвольные, за исключением «гелертеров» (в смысле, придаваемом этому термину в нашей стране в XIX–XX вв. – “*der gelehrte Narr*”) и «полимагов» (Johann von Wown, 1603). По определению «цеховики» едва ли могут быть «полиматами», но я предположил, что буде таковы, это должны быть «генералисты», или «потенциальные полиматы», вполне в соответствии с замечанием П. Бёрка [7, с. 20]. Предельно узкие специалисты, сугубо мотивированные на «производство научных фактов», это, конечно, «спецы» в общеупотребительном смысле слова, эксперты, но не эрудиты, они роют глубокие и узкие «знаниевые шурфы», неумоимо добывая всё более трудноизвлекаемые крупинки (потому, как вариант, я предлагаю назвать их «шурфователями» или «шурфовиками», глубоко копающими знание в своей узкой «штольне»). В моей классификации это истинные «цеховики» [9, с. 105–106]. Я не смог определиться с наименованием типа «лишних людей», которые занимаются самыми разными темами в разных научных

дисциплинах, делая это не ради науки и не обладая глубокими знаниями; поскольку это «эксперты» в современном пейоративном значении, то я обозначил их как «шарлатаны». «Полиматы»-«презентаторы», как представляется, это учёные, для которых успех в обществе имеет большее значение, чем успех в науке, но поскольку они талантливы и умеют «продать себя», то далёкими от науки людьми признаются «гениями», получая существенно больше славы, чем «полиматы»-«цеховики». Имена таких учёных у всех на слуху, и их куда больше почитают обыватели, чем профессиональные учёные (каждый из нас знает таких учёных в своей области исследований). «Добытчиков грантов» я описал в своё время как чистый тип «презентатора» [9, с. 106–107].

Наконец, в качестве третьего аргумента в поддержку моего утверждения, что природа учёного человека неизменна во все времена, сошлюсь на собственные давние исследования психофизиологических черт (интеллекта, темперамента и характера) у юношей 17–20 лет, успевших к этому возрасту уже выбрать будущий жизненный путь и профессию. В начале 1990-х гг. в Новосибирске я проводил исследования и создавал социально-психологический портрет трёх групп юношей: (1) студентов-математиков университета, (2) кадетов высшего военно-политического училища и (3) заключённых одного из исправительных учреждений города. Помимо ожидаемых очевидных различий в среднем уровне IQ (ср.: [22, р. 189–217, 331, 469]), я обнаружил весьма существенные различия между группами не только в базовой структуре личности, но и, к немалому удивлению, радикальные различия в структуре темперамента [23]. А структурные особенности темперамента, как упоминалось выше, составляют основу социального портрета успешного учёного – «полимата». Именно такими особенностями (конечно, в более «мягкой» форме) отличались и студенты 2–3 курсов, отобранные по самым высоким требованиям при поступлении на механико-математический факультет, демонстрируя тем самым непроизвольное движение в направлении к будущим «настоящим учёным».

Важно, что все эти молодые люди уже выбрали свой жизненный путь: одни пошли в армию, вторые – в тюрьму, а третьи, возможно, – и в полиматы. И этот выбор во многом определился чертами их темперамента, наследственно детерминированными (!): высокой эргичностью, высоким темпом поведения, пластичностью, повышенной эмоциональностью, а также некоторыми важнейшими чертами характера, которые также в значительной мере наследственны: выраженной неофилией, независимостью суждений, внутренним «локусом контроля» [23] (о наследственности указанных черт характера см., напр., табл. 13.1 в [19, р. 265], а также [21, р. 297–314, 321–339, 580–593, 667–702]). Очевидно, что ни курсанты, будущие командиры, ни юные «зэка», уже заядлые уголовники, такой констелляцией черт темперамента и характера не обладали. Чтобы стать учёным, недостаточно иметь мотивацию к такой деятельности, надо ещё иметь психобиологические предпосылки для этого. А это уже Природа.

Каково моё заключение? Ни с социологической, ни с психологической и ни с биологической точек зрения мы не можем утверждать, что имеет место прогресс (мелиоративная эволюция) поведения, мотивации и личности учёного как на коротких временных интервалах (десятилетиях), так и на длинных, вековых дистанциях. Впрочем, мы не можем так же судить и о регрессивных

изменениях того, другого и третьего. Этому противоречат даже те немногие факты, которые я здесь привёл. Мы также не имеем фактов, непосредственно указывающих на биологическую эволюцию и социальный прогресс. То, что имеется в виду под социальным прогрессом, – это воочию наблюдаемая технологическая эволюция, отнюдь не эволюция базовых социальных отношений. Впрочем, и развитие технологий не всегда прогрессивно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Монтескьё Ш. Л.* О духе законов. М. : Мысль, 1999. 672 с. ISBN 5-244-00929-X.
2. *Стёпин В. С., Кузнецова Л. Ф.* Научная картина мира в культуре техногенной цивилизации. М. : ИФ РАН, 1994. 274 с. ISBN 5-201-01853-X. EDN SNDQYP.
3. *Поппер К.* Логика и рост научного знания : избранные работы / пер. с англ. М. : Прогресс, 1983. 605 с. EDN SZGSGV.
4. *Стёпин В. С.* Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 744 с. ISBN 5-89826-053-6.
5. *Юревич А. В.* Социальная психология научной деятельности. М. : ИП РАН, 2013. 447 с. ISBN 978-5-9270-0253-5. EDN RBCCHP.
6. *Холтон Дж.* Тематический анализ науки / пер. с англ. М. : Прогресс, 1981. 383 с.
7. *Бёрк П.* Полимат: история универсальных людей от Леонардо да Винчи до Сьюзен Сонтаг. М. : Альпина нон-фикшн, 2023. 390 с. ISBN 978-5-00139-780-9.
8. *Плюснин Ю. М.* Цеховая психология учёного, или О верности однажды выбранной специальности // *Науковедение*. 2003. № 1. С. 101–110.
9. *Плюснин Ю. М.* Институциональный кризис науки и новые ценностные ориентиры профессионального учёного // *Философия науки*. 2003. № 2 (17). С. 99–108. EDN HVIVYN.
10. *Юревич А. В.* Неравное равенство: расслоение российского научного сообщества // *Науковедение*. 2002. № 3. С. 57–74. EDN RAFKTX.
11. *Коллинз Р., Рестиво С.* Пираты и политики в математике // *Отечественные записки*. 2002. № 7. С. 366–380.
12. *Плюснин Ю. М.* Лишние люди в науке. Опыт социально-психологического расследования // *Науковедение*. 1999. № 1. С. 7–19.
13. *Плюснин Ю. М.* Почему «лишние люди» не уходят из науки? // *Науковедение*. 2002. № 1. С. 108–118.
14. *Линь Юйтан.* Китайцы: моя страна и мой народ / пер. с кит. [и предисл.] Н. А. Спешнева. М. : Восточная литература, 2010. 335 с. ISBN 978-5-02-036447-9.
15. *Плюснин Ю. М., Аблажей А. М.* Государственная научная политика глазами «рядового учёного». Ситуативные стратегии поведения учёных в ответ на волны реформирования российской науки // *Управление наукой: теория и практика*. 2019. Т. 1, № 2. С. 38–57. DOI 10.19181/sntp.2019.1.2.2. EDN GNAIPQ.
16. *Целищев В. В., Карнович В. Н., Плюснин Ю. М.* Наука и идеалы демократии: социальные и методологические ценности в «республике учёных». Новосибирск : Нонпарель, 2004. 102 с. ISBN 5-93089-025-0. EDN QWKLMD.
17. *Малявин В. В.* Империя учёных. М. : Европа, 2007. 384 с. ISBN 978-5-9739-0126-4.
18. *Любищев А. А.* Линии Демокрита и Платона в истории культуры. СПб. : Алетей, 2001. 256 с. ISBN 978-5-89329-252-7.
19. *Rushton J. P.* Race, evolution, and behavior: A life history perspective. 3rd ed. Port Huron, MI : Charles Darwin Research Institute Press, 2000. 31, xviii, 358 p. ISBN 0-9656836-0-5.

20. Русалов В. М. Темперамент в структуре индивидуальности человека: дифференциально-психофизиологические и психологические исследования. М. : Институт психологии РАН, 2012. 528 с. ISBN 978-5-9270-0234-4. EDN SZCP1V.
21. Eibl-Eibesfeldt I. Human ethology. N. Y. : Aldine de Gruyter, 1989. xv, 848 p. ISBN 0-202-02030-4.
22. Jensen A. R. The *g* factor: The science of mental ability. Westport, CT ; London : Praeger, 1998. xiv, 648 p. ISBN 0-275-96103-6.
23. Plusnin Ju. M. Psychology of youngsters selected different ways to adult life // International Journal of Psychology. 1992. Vol. 27, № 3–4. P. 358–359.

REFERENCES

1. Montesquieu Ch. L. De l'esprit des loix [O dukhe zakonov]. Moscow : Mysl'; 1999. 672 p. (In Russ.). ISBN 5-244-00929-X.
2. Stepin V. S., Kuznetsova L. F. Scientific picture of the world in the culture of technogenic civilization [Nauchnaya kartina mira v kul'ture tekhnogennoi tsivilizatsii]. Moscow : Institute of Philosophy RAS; 1994. 274 p. (In Russ.). ISBN 5-201-01853-X.
3. Popper K. The logic of scientific discovery. Conjectures and refutations. Objective knowledge [Logika i rost nauchnogo znaniya] : Selected works / transl. from English. Moscow : Progress; 1983. 605 p. (In Russ.).
4. Stepin V. S. Theoretical knowledge [Teoreticheskoe znanie]. Moscow : Progress-Traditsiia; 2003. 744 p. (In Russ.). ISBN 5-89826-053-6.
5. Yurevich A. V. Social psychology of scientific activity [Sotsial'naya psikhologiya nauchnoi deyatel'nosti]. Moscow : Institute of Psychology RAS; 2013. 447 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9270-0253-5.
6. Holton J. Thematic analysis in science [Tematicheskii analiz nauki] / transl. from English. Moscow : Progress; 1981. 383 p. (In Russ.).
7. Burke P. The polymath: A cultural history from Leonardo da Vinci to Susan Sontag. Moscow : Alpina non-fiction; 2023. 390 p. (In Russ.). ISBN 978-5-00139-780-9.
8. Plusnin Ju. M. Guild psychology of a scientist, or On loyalty to the chosen specialism [Tsekhovaya psikhologiya uchenogo, ili O vernosti odnazhdy vybrannoi spetsial'nosti]. *Science Studies=Naukovedenie*. 2003;(1):101–110. (In Russ.).
9. Plusnin Ju. M. Institutional crisis of science and new value orientations of the professional scientist [Institutsional'nyi krizis nauki i novye tsennostnye orientiry professional'nogo uchenogo]. *Philosophy of Science*. 2003;(2):99–108. (In Russ.).
10. Yurevich A. V. Unequal equality: Stratification of the Russian scientific community [Neravnoe ravenstvo: rassloenie rossiiskogo nauchnogo soobshchestva]. *Science Studies=Naukovedenie*. 2002;(3):57–74. (In Russ.).
11. Collins R., Restivo S. Robber barons and politicians in mathematics [Piraty i politiki v matematike]. *Domestic Notes=Otechestvennyye zapiski*. 2002;(7):366–380. (In Russ.).
12. Plusnin Ju. M. Superfluous people in science. An attempt at a socio-psychological investigation [Lishnie lyudi v nauke. Opyt sotsial'no-psikhologicheskogo rassledovaniya]. *Science Studies=Naukovedenie*. 1999;(1):7–19. (In Russ.).
13. Plusnin Ju. M. Why don't "superfluous people" leave science? [Pochemu «lishnie lyudi» ne ukhodyat iz nauki?]. *Science Studies=Naukovedenie*. 2002;(1):108–118. (In Russ.).
14. Lin Yutang. My country and my people [Kitaitsy: moya strana i moi narod] / transl. from Chinese and preface by N. A. Speshnev. Moscow : Vostochnaya literatura; 2010. 335 p. (In Russ.). ISBN 978-5-02-036447-9.

15. Plusnin Ju. M., Ablazhey A. M. Scientific state policy through the eyes of an “ordinary scientist”. Scientists’ situational strategies in response to the science reforming waves in Russia. *Science Management: Theory and Practice*. 2019;1(2):38–57. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2019.1.2.2.
16. Tselishev V. V., Karpovich V. N., Plusnin Ju. M. Science and the ideals of democracy: Social and methodological values in the “republic of scientists” [Nauka i idealy demokratii: sotsial’nye i metodologicheskie tsennosti v «respublike uchenykh»]. Novosibirsk : Nonpareil; 2004. 102 p. (In Russ.). ISBN 5-93089-025-0.
17. Malyavin V. V. Empire of scientists [Imperiya uchenykh]. Moscow : Evropa; 2007. 384 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9739-0126-4.
18. Lyubishchev A. A. The lines of Democritus and Plato in the history of culture [Linii Demokrita i Platona v istorii kul’tury]. St. Petersburg : Aletheia; 2001. 256 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89329-252-7.
19. Rushton J. P. Race, evolution, and behavior: A life history perspective. 3rd ed. Port Huron, MI : Charles Darwin Research Institute Press; 2000. 31, xviii, 358 p. ISBN 0-9656836-0-5.
20. Rusalov V. M. Temperament in the structure of human individuality: Differential psychophysiological and psychological studies [Temperament v strukture individual’nosti cheloveka: differentsial’no-psikhofiziologicheskie i psikhologicheskie issledovaniya]. Moscow : Institute of Psychology RAS; 2012. 528 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9270-0234-4.
21. Eibl-Eibesfeldt I. Human ethology. New York : Aldine de Gruyter, 1989. xv, 848 p. ISBN 0-202-02030-4.
22. Jensen A. R. The *g* factor: The science of mental ability. Westport, CT ; London : Praeger; 1998. xiv, 648 p. ISBN 0-275-96103-6.
23. Plusnin Ju. M. Psychology of youngsters selected different ways to adult life. *International Journal of Psychology*. 1992;27(3–4):358–359.

Поступила в редакцию / Received 18.02.2025.

Одобрена после рецензирования / Revised 06.03.2025.

Принята к публикации / Accepted 19.05.2025.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Плюснин Юрий Михайлович jplusnin@hse.ru

Доктор философских наук, кандидат биологических наук, профессор-исследователь факультета социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

SPIN-код: 8188-6807

Juri M. Plusnin jplusnin@hse.ru

Doctor of Philosophy, Candidate of Biology, Professor, Faculty of Social Sciences, HSE University, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-9576-4921

Web of Science ResearcherID: K-3235-2015

Scopus Author ID: 57191167224